

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>

UDC 323.2
LBC 66.3(2Рос),1

Submitted: 05.10.2021
Accepted: 19.01.2022

ONLINE AND OFFLINE PROTEST DISCOURSE IN MODERN RUSSIA¹

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the formation and spread of protest discourse in new practices of protest behavior. Online rallies, which appeared in 2020 in the public space of Russia, remained an unobtrusive practice, despite their potential applicability within the framework of a single logic of “competitive politics”. *Methods and materials.* The research methodology is based on the theory of “relative deprivation” (T. Garr), “competitive politics” (C. Tilly) and the theory of “network society” (M. Castells). As specific research methods, the author used a selective analysis of cases of protests in the period 2018–2021 (42 actions in 26 regions of the Russian Federation), as well as discourse analysis, which made it possible to determine the topic of protest actions. *Analysis.* The political discourse of protest is a communicative space for the construction of common symbols and identity of the movement. The formation of discourse takes place in the online space, which is due to the development and simplicity of communication between individuals. *Results.* On the basis of the analysis, some conclusions were drawn about the specifics of the formation of protest discourse in the online environment: 1. Discourse is formed in open online platforms, such as groups in VKontakte, Telegram chats or Internet forums; 2. Protest communities are engaged in information and mobilization functions regardless of the number of participants (at the same time, the effectiveness of audience engagement and, as a result, feedback will differ significantly); 3. The main topic of protest actions is represented by opportunistic problems of a civil nature, where there is an immanent opportunity for the transformation of discourse into a political (anti-political) one; 4. The most popular (the number of likes and comments) are posts in groups on social networks containing a direct call to participate in rallies, as well as short emotional slogans and memes.

Key words: virtual protests, online rallies, protest activity, protest discourse, political mobilization, protest moods.

Citation. Makarenko K.M. Online and Offline Protest Discourse in Modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 225-235. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос),1

Дата поступления статьи: 05.10.2021
Дата принятия статьи: 19.01.2022

ПРОТЕСТНЫЙ ДИСКУРС ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-МИТИНГОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования и распространения протестного дискурса в новых практиках протестного поведения. Онлайн-митинги, появившиеся в 2020 г. в публичном пространстве России, остались малозаметной практикой, несмотря на потенциальную применимость в рамках единой логики «соревновательной политики». Методологическую основу исследования составляют теории «относительной депривации» (Т. Гарра), «соревновательной политики» (Ч. Тилли) и теории «сетевое общество» (М. Кастельса). В качестве конкретных методов исследования использовались выборочный анализ кейсов протестов в период января 2018 г. – сентября 2021 г. (42 акции по 26 регионам Российской Федерации), а также дискурс-анализ, позволивший определить тематику протестных выступлений. Политический дискурс протеста представляет собой коммуникативное пространство конструирования единых символов и идентичности движения. Формирование дискурса происходит в онлайн-пространстве, что обусловлено развитостью и

простотой коммуникации между индивидами. На основе проведенного анализа были сделаны некоторые выводы о специфике формирования протестного дискурса в онлайн-среде: 1) дискурс формируется в открытых онлайн-площадках, таких как группы ВКонтакте, чаты в Telegram или интернет-форумы; 2) протестные сообщества занимаются информационной и мобилизационной функциями независимо от числа участников (при этом эффективности вовлеченности аудитории и, как следствие, обратной связи, будут существенно различаться); 3) основная тематика протестных акций представлена конъюнктурными проблемами гражданского характера, где существует имманентная возможность для трансформации дискурса в политический (анти-политический); 4) наибольшей популярностью (по количеству лайков и комментариев) обладают посты в группах в социальных сетях, содержащих прямой призыв к участию в митингах, а также краткие эмоциональные лозунги и мемы.

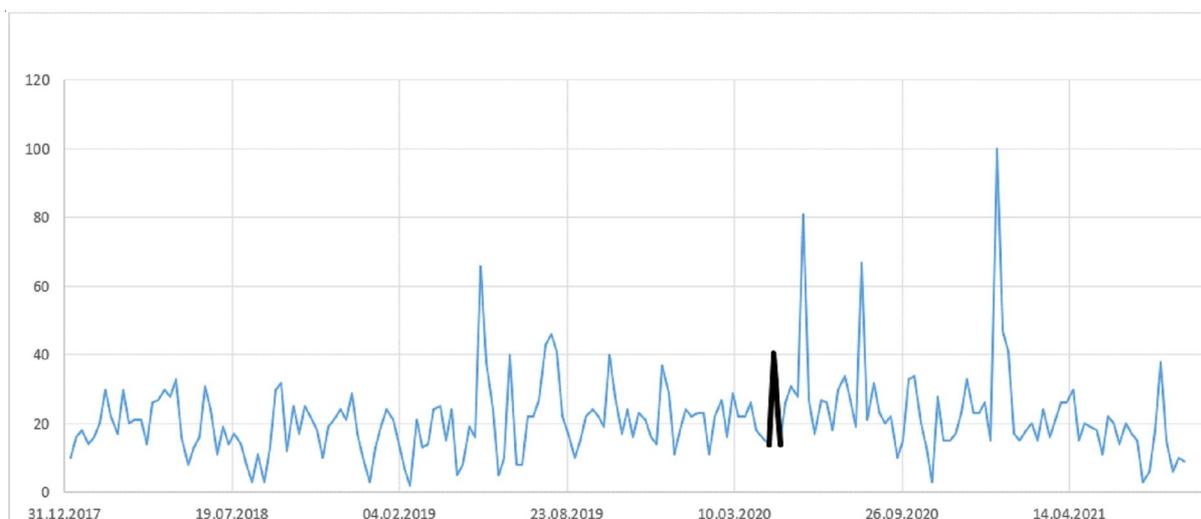
Ключевые слова: виртуальные протесты, онлайн-митинги, протестная активность, протестный дискурс, политическая мобилизация, протестные настроения.

Цитирование. Макаренко К. М. Протестный дискурс онлайн- и офлайн-митингов в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 225–235. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.19>

Введение. Стабильность функционирования общества не исключает наличия имманентно присущих ему конфликтов, которые в силу определенно сложившихся обстоятельств выражаются в публичных массовых акциях. В современной России публичные протесты представляют собой крайне важное и массовое явление, во многом определяющее характер общественных взаимодействий и представляемое в качестве демаркационных линий на «до» и «после». Развитие Интернета, внедрение коммуникационных технологий является значимым фактором трансформации общественных (социальных и политических) институтов [1, с. 744–746]. Во многом «вынужденная» цифровизация, явившаяся следствием стихийного развития пандемии COVID-19, привела к динамичному изменению характера вза-

имодействий в обществе, в том числе усилило тренд на диффузию протеста между онлайн- и офлайн-средой. Как отмечают отечественные исследователи А.В. Соколов и Я.В. Барских, формирование различных гражданских инициатив в виртуальной среде может перерасти в организации и движения, реализующие свою деятельность в офлайне. Авторы фиксируют, что интеграция в гражданскую активность различных сетевых технологий является «эволюционным фактором ее институционализации» [22, с. 43].

Используя возможности сервиса «Google Trends», мы осуществили поисковый запрос по ключевому слову «протест», отфильтровав поиск по России с 01.01.2018 по 01.09.2021 г., и получили следующие результаты, отраженные на рисунке [18].

Результаты поискового запроса в Google Trends
Google Trends search results

Пики поисковых запросов совпадают с массовыми протестными акциями, так как любая публичная акция проходит стадию мобилизации и последующего обсуждения итогов и формирования новых стратегий. Оба этих этапа непосредственно связаны с информационной деятельностью, что и отражается в результатах поиска. Интерес вызывает один период с 19 апреля по 9 мая 2020 г. (пик отдельно выделен цветом). Именно в этот период произошли две акции онлайн-протеста, которые, вероятнее всего, повлияли на интерес пользователей к формированию поисковых запросов по ключевому слову «протест»:

1. 20 апреля 2020 г. прошли онлайн-митинги в приложении «Яндекс.Навигатор». Акции проводились на виртуальных картах городов, рядом с административными зданиями: у Кремля в Москве, у администрации края в Краснодаре, у правительства области в Ростове. Характер требований протестующих касался как вопросов, связанных с коронавирусом и введением режима ЧС, так и с общим негодованием из-за ситуации с экономикой и уровнем политического менеджмента в стране [6].

2. Онлайн-митинг «За жизнь» против поправок в Конституцию РФ, организованный кампанией «Нет!» в видео-хостинге YouTube. Протестная акция представляла собой виртуальный митинг с определенными ведущими и спикерами; общей темой выступлений; наличием требований, призывов, лозунгов; подготовкой и презентацией резолюции с требованиями к власти. Пиковое значение участников митинга составляло 4 700 человек – довольно низкий показатель с учетом заявленных спикеров (М. Светов, С. Гуриев) и анонса выступления музыканта Noize MC, при этом всего онлайн-митинг на 02.09.2021 г. был просмотрен 72 014 раз [15]. Новые формы публичного выражения недовольства становятся не только предметом обсуждения исследователей, но и интересом окружающих, что и способствуют возникновению информационных всплесков, и, как следствие, повышению уровня интереса к протестной активности в целом.

Методы и материалы. Для нас крайне важно отметить, что любая публичная протестная акция представляется в качестве, как

минимум, двух форм: непосредственного события, акцентирующего внимание на определенном вопросе или проблеме, и сообщения, направленного адресату, который может быть представлен как властью, так и разными частями социума. Рядом отечественных исследователей отмечается, что успешность публичной политической акции определяется возможностью «сделать политическое высказывание и быть услышанными» [16, с. 18].

Таким образом, для нас актуальны 2 исследовательских вопроса. Во-первых, являются ли онлайн-митинги самостоятельным политическим событием или они представляют собой лишь виртуальную копию офлайн-митингов? Во-вторых, едино ли коммуникативное (дискурсивное) пространство онлайн- и офлайн-митингов? Оптика исследования определяется использованием методологических принципов теории: 1) «относительной депривации» (Т. Гарра), позволяющей представить протест как результат роста в современном российском обществе противоречий между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями индивидов, тем самым обосновав протестную активность, выраженную как онлайн, так и офлайн, как естественную реакцию общества; 2) «соревновательной политики» (Ч. Тилли), позволяющей представить протестную активность как форму противостояния двух коллективных конкурирующих сторон: правительства и оппозиции, каждая из которых мобилизует доступную ресурсную базу для изменения устоявшихся «правил игры» в более выгодную для себя сторону; 3) «сетевого общества» (М. Кастельса), дающей возможность представить процесс политической мобилизации в современном обществе через призму возрастания роли коммуникативных технологий в процессе конструирования протеста.

Предлагаем ответить сначала на второй из заявленных вопросов, после чего в выводах сформировать ответ на первый. В связи с обозначенной логикой особую важность представляет изучение дискурса как коммуникативного пространства, на основе которого выстраивается идентичность членов движения, а также презентация целей и идеалов движения вовне. Мы солидарны с позицией А. Дука, определяющего дискурс как «соци-

альный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами, а также и между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге» [8, с. 14]. То есть дискурс в рамках исследования определяется конструированием единых символов движения: некоторых общих черт и практик, характерных участникам (и сочувствующим) коллективных действий. Таким образом, дискурс представляется пространством демаркации на «своих» и «чужих» в разных формах коммуникативного взаимодействия, то есть в данной работе дискурс будет пониматься в традиции «общего языка».

Исследователями отмечается, что идеологизированный дискурс строится на основании единых принципов и с использованием единых инструментов. А.Б. Бушев выделяет «штампы, клише, речевые стереотипы, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты, языковые оценочные коннотации, неясность терминов, перенасыщенность (включаемую нами в семантико-синтаксическое явление сверхсатиации), определенные риторические приемы» как наиболее релевантные семантические конструкции, включенные и формирующие дискурс [5, с. 177–178].

В зарубежных исследованиях был поставлен вопрос о субъектах формирования дискурса в виртуальном сообществе. Так, повестка дня возникает под влиянием активных граждан (действующих как индивидуально, так и коллективно), при этом представители органов власти вынуждены встраиваться в заданную повестку [26]. Несмотря на то что власть выступает в роли «догоняющего» в процессе формирования повестки дня, нельзя игнорировать ресурсный потенциал коллективного государства, способного не только корректировать информационные потоки, но и вовсе ограничивать их распространение.

Дискурс-анализ позволяет зафиксировать состояние определенной (как правило, наиболее активной) части общества. В качестве дискурсивного анализа использовались инструменты изучения общественных проблем, то есть тех тем, которые выделяются организаторами протестных акций и самими протестующими как наиболее важные и требующие общественного внимания.

Анализ. Достижение общественно значимых задач непосредственно связано с коллективными действиями, направленными на концентрацию (мобилизацию) ресурсов, прежде всего социального капитала, который при этом, является основополагающим фактором «перерастания» форм гражданской активности от локальных к более массовым масштабам, вплоть до федерального [11, с. 54]. Одновременно с изменением масштабов проблемы происходит и трансформация дискурса, который становится более политизированным и ориентированным на определение конкретных виновных и/или на фиксацию неработоспособности системы.

Мобилизация и концентрация ресурсов для организации протеста через онлайн-среду стала повсеместно используемой практикой. Однако онлайн-протесты как новая форма гражданского (или политического) действия только недавно приобрела популярность в России. Онлайн-протесты не воспринимаются в качестве значимого события, способного трансформировать социально-политическое пространство и влиять на процесс принятия политических решений, но, с учетом возрастания личной «стоимости» участия в уличных протестных акциях, онлайн-формы остаются одной из немногих безопасных форм выражения публичного недовольства.

Появление Интернета, возможно, является важнейшим событием XX в., полностью изменившим все сферы человеческой жизни, начиная от экономики, заканчивая политикой и личной жизнью. Наибольшее влияние Интернет, в различных своих проявлениях, оказывает на характер межличностного взаимодействия. Доступ к Интернету уже вписан в пирамиду человеческих потребностей, однако, несмотря на существование стран, где доступом к Интернету обладают свыше 90 % населения, на карте мира наличествуют территории, где доступ к Интернету является показателем высокого социального достатка [25].

Влияние Интернета на различные сферы общественной жизни становится фокусом исследования ученых – представителей самых разнообразных наук, начиная от экономики, заканчивая социологией и политологией. В последние годы был опубликован ряд работ представителей общественных наук, фикс-

сирующих институционализацию практик сетевых форм взаимодействия в системе «власть – общество» [2; 7], а также долгосрочного тренда на «имплементацию сетевых практик в политическую реальность» [3, с. 15].

В современной России имеют место практики применения цифровых форм политического участия, такие как действующая на территории города Москвы платформа «Активный гражданин», позволяющая выстраивать диалог общества и власти посредством онлайн-обсуждения общественно-значимых задач благоустройства города. Однако стоит заметить, что, несмотря на безусловно положительный характер реализации функций местного самоуправления посредством платформы, подобный формат, по мнению исследователя О.В. Ерохиной, имеет мало шансов быть реализованным в других регионах РФ, что связано с «латентным сопротивлением элитных групп и недостаточностью технологической инфраструктуры» [9, с. 58]. Степень развития технологической инфраструктуры становится одним из важнейших факторов улучшения качества жизни граждан.

Онлайн-практики политического участия постепенно нашли свое отражение не только в платформах, позволяющих решать вопросы местного значения, не только в электронном голосовании (технологический аспект проведения которого со стороны части населения вызывает вопросы и недоверие), но и в протестной активности – как форме концентрированного публичного выражения недовольства политической системой или ее отдельными элементами. Вопросы влияния Интернета на участие людей в протестах становились предметом изучения представителей политических наук, при этом, апеллируя к разным примерам и цифрам, исследователи приходили к различным, иногда и диаметрально противоположным результатам. Обширный обзор разнородных публикаций представлен в статье О.Ю. Кольцовой и Э.А. Киркиж, параллельно с которым авторы провели собственное исследование, базирующееся на данных шестой волны проекта World Values Survey, и пришли к значимому выводу: получение новостей из онлайн(интернет)-источников оказывает «самостоятельное влияние на участие людей в мирных демонстрациях» [11, с. 101]. Однако

абсолютизировать фактор чтения новостей нельзя, сами авторы заявляют о том, что в разных странах получение информации из интернет-источников оказывает разную степень влияния на протестную активность. Коллектив авторов Р. Эниколопов, А. Макаркин, М. Петрова убедительно показали, как распространение социальных сетей (прежде всего ВКонтакте) в больших городах повлияли на рост интенсивности и массовости антиправительственных протестов 2011–2012 гг., отметив при этом, что ситуация могла бы кардинально измениться, если бы правительство ожидало столь масштабных акций [24].

Актуальным является вопрос определения того, чем же является Интернет в процессе политической протестной мобилизации: каналом коммуникации, площадкой коммуникации, виртуальным отображением реального пространства или совокупностью связей и элементов, обуславливающих формирование онлайн-сообществ? В этой связи интересной является интерпретация И.В. Ксенофоновой, отметившей «архивную» функцию Интернета [12, с. 115], что выражено в известной фразе «что попадает в Интернет там и остается». Различные кейсы, курьезы, высказывания и поступки, произошедшие многие годы назад могут актуализироваться в любой момент и стать поводом для мобилизации протестного электората. Целью существования протестных онлайн-сообществ является «распространение информации о протестных действиях и, соответственно, обеспечение максимальной мобилизации различными способами» [12, с. 116]. В соответствии с этим, модераторам групп и движений необходимо поддерживать протестный дискурс, зачастую «вспоминая» символические события для поддержания состояния неприятия к конкретным или обобщенным представителям власти.

Несмотря на то что средний возраст протеста по результатам митингов 2021 г. сдвинулся к 35–45 годам [19], в общественном сознании укоренен образ бунтующей молодежи, а зачастую и «школоты». В этой связи крайне интересный анализ стратегий протеста представителей поколений Y и Z в российском сегменте Интернета представлен в статье В.В. Титова. Автор, на основе исследования, с использованием количественных и

качественных методик, пришел к значимым выводам (мы выделим лишь некоторые):

1. Основной мотивацией и проблемно-объектной локализацией протеста для представителей обоих поколений являются системные проблемы: «социальная неопределенность, размытость карьерных и материальных перспектив, высокий уровень коррупции», и, как следствие, неэффективность власти, бюрократии и отсутствие социальной справедливости.

2. Объектом критики выступает обобщенное «государство», однако, если для представителей поколения Z объект представлен абстрактно, то для Y – «пространственно локализован и часто персонифицирован».

3. Отмечается существенное влияние «сетевого» юмора для высмеивания социальной действительности. Поколение Z отличается меньшей эмоциональной выразительностью при оценке текущего состояния дел в различных сферах жизни общества, но активным использованием юмора, а Y, в свою очередь, имеют большую эмоциональную вовлеченность, которая имеет свойство усиливаться, когда протест персонализирован и имеет локальный характер [23, с. 150–152].

Таким образом, молодежный протестный дискурс формируется в результате симбиоза мнений индивидов относительно ошибок и противоречий политической системы в целом и представителей власти как элементов, отражающих неработоспособность системы, а также политического юмора, высмеивающего сложившуюся ситуацию. Дискурсивное пространство современного отечественного протеста подвержено сильному влиянию мемов, как информационных единиц.

Поразительно точно в логике теории «относительной депривации» о смене поколений протеста высказался И. Смекалин «состав протестующих сменился от представителей среднего класса в сторону молодых людей с более низкими доходами и социально-экономическими претензиями. Приняв во внимание фактор силового воздействия на протестующих, это можно объяснить через следующую модель принятия решения. Издержки на коллективное действие увеличиваются из-за административного давления, и это приводит к тому, что представители среднего класса,

сравнивая издержки от невыполнения политических претензий и административного воздействия, выбирают не протестовать. С другой стороны, представители менее обеспеченных социальных слоев ощущают увеличение издержек на выражение претензий экономического характера, которые перевешивают ущерб от силового давления. Поэтому происходит деполитизация протеста за счет смены социальной категории: вместо той, что могла позволить себе протестовать, появляется та, которая не может позволить не протестовать» [20, с. 92]. Таким образом, формирование новых социальных групп, зачастую вынужденных обращаться к протестам как крайней форме коммуникации с представителями власти, подчеркивает противоречивый характер нарастания общественного недовольства. В условиях «соревновательной политики» каждая из сторон вырабатывает новые механизмы борьбы за изменение / сохранение действующих «правил игры».

Относительно новым механизмом публичного выражения мнений несогласных становятся онлайн-митинги. Виртуальные формы протеста стали предметом обсуждения отечественных политологов и политтехнологов, озаботившихся возможным влиянием подобных практик на публичное политическое пространство. В публикации 2018 г. исследовательская группа «Мониторинга актуального фольклора» зафиксировала факт «пересборки митинга» (изменение восприятия понятия «митинг» как акции, проводимой исключительно в публичном физическом пространстве. – К. М.), что явилось следствием ухода части протестных практик в виртуальное пространство и, как следствие, формирование новых типов протестов, которые признаются в качестве публичных акций протестов одной частью социума и отрицаются другой [16, с. 31]. Согласимся с позицией И.А. Бронникова, отметившего, что участвовавшие практики самоорганизации граждан в онлайн-сообществах (в том числе и посредством онлайн-митингов) являются фиксацией медленной трансформации «институционального каркаса», характеризующего наличие корреляции между потребляемой информацией и выраженным гражданским участием, «эффективность которого зачастую зависит от желания и возможности тратить

время и ресурсы на решение конкретной проблемы» [4, с. 279].

Относительно акций 2020 г. К. Калачев отметил, что «власть будет реагировать на онлайн-митинги, если количество их участников будет расти, если идеи этих митингов окажутся привлекательными для значительных групп населения, если будет риск перехода из онлайн в офлайн. Эти митинги могут быть как средством канализации протеста, выпуска пара, изоляции протестующих в онлайн-гетто, так и инструментом агитации и мобилизации, средством вовлечения в политику ранее аполитичных граждан, площадкой для продвижения идей, выходящих в офлайн через последующее участие протестующих и к ним примкнувших в выборных процедурах и голосованиях» [17]. Во многом реакция властей будет зависеть не столько от протестного дискурса, сколько от субъектного (организаторского) состава онлайн-протестов. Состав субъектов мобилизации протестов в России является довольно устойчивым [21, с. 185], при этом принципиального различия в организаторах протестных акций как в офлайн-, так и онлайн-среде не обнаружено. В обоих случаях абсолютное большинство акций в зависимости от тематики протеста проходят под протекторатом партийных структур (прежде всего КПРФ) и общественных организаций. В условиях ухудшения социально-экономических условий жизни людей, вызванных в том числе и пандемийными экономическими эффектами, высока вероятность роста мобилизационного потенциала представителей несистемной оппозиции (который заметно снизился в результате тюремного заключения А. Навального и признания сети Фондов Борьбы с коррупцией ² экстремистской организацией). В результате онлайн-протесты могут стать объектом пристального внимания со стороны органов власти как ячейки концентрации антивластного недовольства.

В результате увеличения «стоимости» участия в публичных акциях протеста будет увеличиваться доля онлайн-акций. В связи с этим политолог Дмитрий Юрьев отмечает: «Во-первых, онлайн-митинг не несет немедленного риска для здоровья и свободы участнику: винтить негде, сажать не за что. Во-вторых, массовый (а не только для своих) онлайн-митинг нельзя закрыть от широкого круга людей, нео-

бязательно из числа сектантов (Навального или еще какого-то претендента на вождизм)» [17]. Отметим, что в случае роста популярности онлайн-митингов среди оппозиционно настроенной части населения РФ как формы выражения протеста, особенно в случае вовлечения политической повестки, перед законодателем встанет вопрос создания запретительных барьеров для проведения подобных виртуальных форм протестного коллективного действия.

В рамках данной статьи онлайн-митинги интересуют автора в первую очередь не столько как самостоятельный феномен, а как вынужденный в условиях принятых ограничений, связанных с пандемией коронавируса, а также «ужесточения» антимитинговой политики, переходный этап к офлайн, то есть уличной протестной активности. В связи с этим, одна из задач исследования состояла в определении принципов формирования протестных настроений в онлайн-среде и дальнейшей их трансформации в публичный протест.

Результаты. Для реализации указанной задачи автором на основании выборочного анализа протестов января 2018 г. – сентября 2021 г. была сформирована база практик (42 акции протеста по 26 субъектам РФ) перехода от онлайн- к офлайн-формам протестной активности [14]. Хронологические рамки исследования обусловлены фиксируемым снижением уровня доверия населения РФ к основным политическим институтам, прекращением действия эффекта «Крымского консенсуса». Данный тезис может быть аргументирован рейтингом одобрения деятельности Владимира Путина по данным Левада-Центра [13] ³. Институциональный статус Президента, а также его политическая субъектность позволяют сделать вывод о снижении доверия к основным политическим (государственным) институтам исходя из рейтинга доверия Президента, который является источником легитимации для остальных институтов. Резкий рост рейтинга одобрения деятельности Президента в марте 2014 г. сменился скачкообразным падением рейтинга в 2018 году.

По итогам исследования кейсов были сформулированы следующие выводы:

1. В качестве онлайн-площадок для формирования и мобилизации сторонников используются социальные сети (прежде все-

го ВКонтакте, как самая массовая социальная сеть в России), мессенджеры (все больше используется Telegram), форумы (которые встречаются крайне редко).

2. Численность аудитории варьируется от микрогрупп численностью в несколько десятков человек до сообществ в несколько десятков тысяч подписчиков (например, «СТОП ГОК / Группа по проблеме Томинского ГОКа» – более 27 000 участников). Мобилизация велась через группы, функционирующие на протяжении длительного времени, которые успели набрать определенную аудиторию. При этом группы по типу «Ядрово. Задыхаемся!!!» создавались в период развития проблемы и быстро росли на волне общественного резонанса (на 01.09.2021 г. – 9 400 участников).

3. Тематика протестов связана в первую очередь с конъюнктурными протестами: 1) пенсионная реформа; 2) проблемы экологического характера / закрытие мусорных полигонов; 3) неудовлетворенность социальным обеспечением граждан; 4) снятие кандидатов с выборов в представительные органы власти / фиксация нарушения на прошедших выборах; 5) недовольство проведением политики оптимизации; 6) несогласие с политикой власти ввиду наличия идеологических разногласий. При этом политическая тематика протестов явно содержится лишь в протестах под номерами 4) и 6), что является свидетельством, прежде всего, гражданской основы протестов как попытки осуществления влияния на местные власти для решения локальной проблемы.

4. Наибольшей популярностью (набравшие наибольшее количество лайков и комментариев пользователей) пользуются посты, связанные с призывами участвовать в митингах (могут быть выражены как текстом, так и фотографией), а также короткие эмоциональные лозунги (например: ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ – ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!, опубликованное 25.01.2019 г. в группе фракции КПРФ в Курганской областной Думе), а также мемы, направленные на придание ситуации абсурдности и показывающие наличие социальной дифференциации в обществе [например: «Представьте, приходит депутат осенью в Думу, а ему говорят с тебя деньги за ремонт, столы, стулья, микрофон. Смешно правда? А родителям, ведущим детей в садик и школу не смешно» (текст на кар-

тинке с сохранением орфографии. – К. М.). Опубликовано в группе Коммунисты России Владимирская область (КПКР)].

Так, на основе проведенного исследования, можно сформулировать вывод о наличии единого дискурсивного пространства онлайн- и офлайн-протестов, что обусловлено, в первую очередь, спецификой развития центральных тематик протеста в онлайн- и последующей агрегацией их в офлайн-лозунги.

На данный момент онлайн-митинги не являются самостоятельной формой протеста, а их проведение базируется на соблюдении единых для офлайн-митингов требований. В этой связи онлайн-митинги не воспринимаются ни одной из сторон в качестве трендовой протестной активности. Однако мнение экспертов и исследователей оставляет пространство для формирования регулярных протестных практик в онлайн-сфере ввиду увеличения «стоимости» участия в офлайн-митингах. Трендом протестной активности онлайн-митинги не станут, по крайней мере, в ближайшей перспективе, что обусловлено, в первую очередь, ограниченными социальными и технологическими рамками онлайн-пространства. Проведение реального митинга всегда сопряжено со случайным участием людей, оказавшихся в месте концентрации протеста, в этой связи, реальный протест представляется более весомым из-за возможности вовлечения больших социальных ресурсов, в том числе и случайных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32222.

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-32222.

² Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

³ Организация, включенная в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 783 с.

2. Бродовская, Е. В. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е. В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 3–18.
3. Бронников, И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах / И. А. Бронников // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 7–18.
4. Бронников, И. А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций / И. А. Бронников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 269–285. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-14>.
5. Бушев, А. Б. Протестный дискурс: оптика исследования / А. Б. Бушев // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 170–182.
6. В России начались онлайн-митинги с требованием ввести ЧС. Они идут в Москве, Краснодаре и Ростове-на-Дону // Такие дела. – 2020. – 20 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://takiedela.ru/news/2020/04/20/miting-onlayn/> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана.
7. Володенков, С. В. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы / С. В. Володенков, А. Б. Ромашкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 33–40.
8. Дука, А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России / А. В. Дука // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 1. – С. 91–113.
9. Ерохина, О. В. Цифровые формы политического участия в России / О. В. Ерохина // Власть. – 2021. – Т. 29, № 6. – С. 54–59. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8678>.
10. Кольцова, О. Ю. Влияние интернета на участие в протестах / О. Ю. Кольцова, Э. А. Киркиж // Полития. – 2016. – № 1 (80). – С. 90–110.
11. Круглов, М. С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук / Круглов Максим Сергеевич. – М., 2015. – 170 с.
12. Ксенофонтова, И. В. Роль интернета в развитии протестного движения / И. В. Ксенофонтова // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 3 (109). – С. 114–116.
13. Левада-Центр. Одобрение органов власти. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 11.01.2022). – Загл. с экрана.
14. Мониторинг данных социальных сетей – коммуникативных площадок мобилизации протеста в регионах РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://volsu.ru/struct/institutes/iimost/noc_multivariate_socio-political_space/proekt-rffi-i-eisi-21-011-32222.php (дата обращения: 18.01.2022). – Загл. с экрана.
15. Онлайн-митинг «За жизнь». Youtube. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gYDkz-tjn7E> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана.
16. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете / А.С. Архипова [и др.] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 12–35. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.
17. Протест уходит в онлайн. Неизбежное подтолкнул коронавирус // Фонтанка.ру. – 2020. – 29 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2020/04/29/69232030/> (дата обращения: 07.06.2021). – Загл. с экрана.
18. Результаты поискового запроса «протест» // Google Trends. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2018-01-01%202021-09-01&geo=RU&q=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана.
19. Рожкова, Е. Далеко не школата. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян / Е. Рожкова // Коммерсантъ. – 2021. – 30 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 22.08.2021). – Загл. с экрана.
20. Смекалин, И. Факторы массовой протестной активности в России: между ценностями и возможностями / И. Смекалин // Вестник общественного мнения. – 2021. – № 1–2 (132). – С. 89–94.
21. Соколов, А. В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии : дис. ... д-ра полит. наук / Соколов Александр Владимирович. – М., 2018. – 445 с.
22. Соколов, А. В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности / А. В. Соколов, Я. В. Барских // Власть. – 2021. – № 6. – С. 42–47.
23. Титов, В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z / В. В. Титов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 139–158. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>.
24. Enikolopov, R. Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia / R. Enikolopov, A. Makarin, M. Petrova // Econometrica. – 2020. – Vol. 88, № 4. – P. 1479–1514.

25. Roser, Max. Internet / Max Roser, Hannah Ritchie, Esteban Ortiz-Ospina // OurWorldInData.org. – 2015. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ourworldindata.org/internet> (date of access: 02.09.2021). – Title from screen.

26. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data / P. Barbera [et al.] // American Political Science Review. – 2019. – Vol. 113, № 4. – P. 883–901.

REFERENCES

1. Bell D. *Gryadushcheye industrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming Industrial Society. Experience of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999. 783 p.

2. Brodovskaya Ye.V., Khuang T. Tsifrovoye pokoleniye: grazhdanskaya mobilizatsiya i politicheskiy protest rossiyskoy molodezhi [Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest of Russian Youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 2019, no. 5 (153), pp. 3-18.

3. Bronnikov I.A. Grazhdanskiy aktivizm v setevykh soobshchestvakh [Civic Activism in Network Communities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskiye nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 7-18.

4. Bronnikov I.A. Samoorganizatsiya grazhdan v epokhu tsifrovyykh kommunikatsiy [Self-Organization of Citizens in the Age of Digital Communications.]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2020, vol. 13, no. 2, pp. 269-285. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-14>.

5. Bushev A.B. Protestnyy diskurs: optika issledovaniya [Protest Discourse: Research Optics]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of Theory and Practice of Journalism], 2015, vol. 4, no. 2, pp. 170-182.

6. V Rossii nachalis' onlayn-mitingi s trebovaniyem vvesti ChS. Oni idut v Moskve, Krasnodare i Rostove-na-Donu [Online Rallies Have Begun in Russia Demanding an Emergency Situation. They Take Place in Moscow, Krasnodar and Rostov-on-Don]. *Takiye dela*, 2020, April 20. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/04/20/miting-onlayn> (accessed 2 September 2021).

7. Volodenkov S.V., Romashkina A.B. Tekhnologii internet-kommunikatsii kak instrument vliyaniya na funktsionirovaniye sovremennykh institutov vlasti: aktual'nyye vyzovy [Internet Communication Technologies As a Tool for Influencing the Functioning of Modern Institutions of Power: Current Challenges].

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 33-40.

8. Duka A.V. Politicheskiy diskurs oppozitsii v sovremennoy Rossii [Political Discourse of the Opposition in Modern Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1998, vol. 1, no. 1, pp. 91-113.

9. Yerokhina O. V. Tsifrovyye formy politicheskogo uchastiya v Rossii [Digital Forms of Political Participation in Russia]. *Vlast'* [The Authority], 2021, vol. 29, no. 6, pp. 54-59. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8678>.

10. Kol'tsova O.Yu., Kirkizh E.A. Vliyaniye interneta na uchastiye v protestakh [The Influence of the Internet on Participation in Protests]. *Politia*, 2016, no. 1 (80), pp. 90-110.

11. Kruglov M.S. *Sovremennyye formy grazhdanskoy aktivnosti v politicheskom protsesse Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. polit. nauk* [Modern Forms of Civic Engagement in the Political Process of the Russian Federation. Cand. polit. sci. diss.]. Moscow, 2015. 170 p.

12. Ksenofontova I.V. Rol' interneta v razvitii protestnogo dvizheniya [The Role of the Internet in the Development of the Protest Movement]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 2012, no. 3 (109), pp. 114-116.

13. *Levada Tsenter. Odobreniye organov vlasti* [Levada Center. Government Approval]. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (accessed 11 January 2022).

14. *Monitoring dannykh sotsial'nykh setey – kommunikativnykh ploshchadok mobilizatsii protesta v regionakh RF* [Monitoring Data of Social Networks – Communication Platforms for Mobilizing Protests in the Regions of the Russian Federation]. URL: https://volsu.ru/struct/institutes/iimost/noc_multivariate_socio-political_space/proekt-rffi-i-eisi-21-011-32222.php (accessed 18 January 2022).

15. *Onlayn-miting «Za zhizn'»*. Youtube [Online Rally “For Life”. Youtube]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gYDkz-tjn7E> (accessed 2 September 2021).

16. Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S., Kozlova I.V., Yugay Ye.F., Belyanin S.V., Gavrilova M.V. «Peresborka mitinga»: Internet v proteste i protest v Internetе [“Rally Rebuild”: Internet in Protest and Protest on the Internet]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 1, pp. 12-35. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.

17. Protest ukhodit v onlayn. Neizbezhnoye podtolknul koronavirus [The Protest Goes Online. The Inevitable Pushed the Coronavirus]. *Fontanka.ru*, 2020, April 29. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/29/69232030> (accessed 7 June 2021).

18. Rezul'taty poiskovogo zaprosa «protest» [Search Results for “Protest”]. *Google Trends*. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2018-01-01%202021-09-01&geo=RU&q=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82> (accessed 2 September 2021).

19. Rozhkova Ye. Daleko ne shkolota. Sotsiologi o portrete i motivatsii vyshedshikh na protestnyye aktsii rossiyan [Far from Being Schoolchildren. Sociologists on the Portrait and Motivation of Russians Who Took to the Protests]. *Kommersant*, 2021, January 30. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (accessed 22 August 2021).

20. Smekalin I. Faktory massovoy protestnoy aktivnosti v Rossii: mezhdru tsennostyami i vozmozhnostyami [Factors of Mass Protest Activity in Russia: Between Values and Opportunities]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion], 2021, no. 1-2 (132), pp. 89-94.

21. Sokolov A.V. *Setevoy politicheskiy protest v Rossii: subyekty, tendentsii i tekhnologii: dis. ... d-ra polit. nauk* [Network Political Protest in Russia:

Subjects, Trends, and Technologies. Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2018. 445 p.

22. Sokolov A.V., Barskikh Ya.V. Internet-aktivizm kak fenomen tsifroviziruyushcheysya grazhdanskoj aktivnosti [Internet Activism As a Phenomenon of Digitalizing Civic Activity]. *Vlast'* [The Authority], 2021, no. 6, pp. 42-47.

23. Titov V.V. Strategii sotsial'nogo protesta molodezhi v Runete: sravnitel'nyy analiz pokoleniy Y i Z [Strategies of Social Protest of Youth in Runet: A Comparative Analysis of Generations Y and Z]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 3, pp. 139-158. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>.

24. Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia. *Econometrica*, 2020, vol. 88, no. 4, pp. 1479-1514.

25. Roser M., Ritchie H., Ortiz-Ospina E. Internet. *OurWorldInData.org*, 2015. URL: <https://ourworldindata.org/internet> (accessed 2 September 2021).

26. Barbera P., Casas A., Nagler J. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data. *American Political Science Review*, 2019, vol. 113, no. 4, pp. 883-901.

Information About the Author

Kirill M. Makarenko, Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Информация об авторе

Кирилл Михайлович Макаренко, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>